

ИСТОРИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-3-167-193

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА «ОТМЕНЫ» В ПРОЦЕССЕ ТРАНЗИТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СССР

В.Г. Кошкидько

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

Koshkidko@spa.msu.ru

А.Я. Лившин

Совместный университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, КНР

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

Livshin@spa.msu.ru

А.В. Сидоров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

Sidorov@spa.msu.ru

К.А. Соловьев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

KSoloviov@spa.msu.ru

Аннотация. Процесс транзита государственной власти в истории России неоднократно проходил в условиях кризиса: полномасштабного или внутриэлитного. Слабая выраженность институтов, сопровождавших этот процесс, приводила к персональной борьбе между претендентами на власть, что в свою очередь вело к использованию «механизмов отмены» того или иного претендента. Задачи данной статьи состоят в том, чтобы для разных эпизодов транзита обозначить условия, в которых возникала потребность в использовании «механизмов отмены», выявить инструментарий «отмены» и указать на те результаты, к которым привело использование этого инструментария. Для решения этих задач использован метод анализа кейсов. Авторы выбрали наиболее показательные из ситуаций транзита власти в СССР. Для выявления и описания «механизмов

отмены» применялись методы институционального, семантического и семиотического анализа. Проведенный авторами анализ показал, что политика «отмены» становилась формой межличностной борьбы, в которой инструменты «отмены» дополняли или заменяли институциональные формы транзита. В каждом из двух первых случаев транзита (1920–1950 гг.) эта борьба превращалась в «игру с нулевой суммой». Она завершалась обретением всей полноты власти одним из «преемников» и полной потерей политических позиций всеми остальными — их символической «отменой». В последнем из рассмотренных случаев М.С. Горбачев предпринял шаги, затрудняющие появление «преемников» (а значит и формирования условий транзита), но не сумел противостоять тому процессу, в котором он сам, вместе с его декоративными преемниками, был «отменен» преемником самопровозглашенным — Б.Н. Ельциным, что не только не отменило идеи «преемничества» в ходе следующего транзита, но даже усилило ее привлекательность.

Ключевые слова: история России, политическая история, транзит власти, механизмы отмены Троцкий, Маленков, Янаев.

Для цитирования: Кошкидько В.Г., Лившин А.Я., Сидоров А.В., Соловьев К.А. Политическая культура «отмены» в процессе транзита государственной власти в СССР // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 3. С. 167–193.

Дата поступления в редакцию: 18.07.2025

POLITICAL CULTURE OF “CANCELLATION” IN THE PROCESS OF TRANSIT OF STATE POWER IN THE USSR

Koshkidko V.G.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Koshkidko@spa.msu.ru

Livshin A.Ya.

Joint University of Moscow State University and Shenzhen Institute of Pedagogical Sciences, Shenzhen, China, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Livshin@spa.msu.ru

Sidorov A.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Sidorov@spa.msu.ru

Solovyov K.A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
KSolovyov@spa.msu.ru

Abstract. The process of transit of state power in the history of Russia has repeatedly taken place in conditions of crisis: full-scale or intra-elite. Weak expression of the institutions accompanying this process led to personal struggle between contenders for power. This led to the use of “cancellation mechanisms” of this or that contender. The objectives of this article are: to identify the conditions in which the need arose to use “cancellation mechanisms”; to show the tools of “cancellation”; to point out the results that the use of this tool led to. To solve these problems, the case method was used. The authors selected the most illustrative of the situations of power transit in the USSR. To identify and describe the “cancellation mechanisms”, the methods of institutional, semantic and semiotic analysis were used. The analysis conducted by the authors confirmed the original hypothesis about the weakness of the institutions of power transit. In each of the first two cases of transit (the 1920s and 1950s), this struggle between the contenders turned into a “zero-sum game”. It ended with one of the “successors” gaining full power and the complete loss of political positions by all the others — their symbolic “cancellation”. In the last of the cases considered, M.S. Gorbachev took steps to make it more difficult for “successors” to appear, but was unable to resist the process in which he himself, along with his decorative successors, was “cancelled” by the self-proclaimed successor — B.N. Yeltsin.

Key words: history of Russia, political history, transfer of power, mechanisms of abolition Trotsky, Malenkov, Yanaev.

For citation: *Koshkidko V.G., Livshin A.Ya., Sidorov A.V., Solovyov K.A.* Political culture of “cancellation” in the process of transit of state power in the USSR // *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 3. P. 167–193.*

Received: 18.07.2025

Одной из проблем российской государственности, раз за разом воспроизводимой на разных этапах ее существования, была слабая институциональная оформленность транзита высшей власти. Отсутствие или слабая оформленность институтов, сопровождающих транзит власти, неизбежно вели к внутриэлитным конфликтам претендентов на власть, опирающихся на временные коалиции отдельных элитных групп с использованием насилия, как главного инструмента в этой борьбе. Во многих случаях такого рода насилие выходило за рамки внутриэлитного конфликта и втягивало в борьбу широкие слои населения. Такими были междукняжеские конфликты Древней Руси XI–XII вв., Феодалная война первой четверти XV в., Смутное время начала XVII в. Но гораздо чаще конфликт претендентов на власть оставался внутриэлитным, в котором применялось ограниченное насилие (конфликт наслед-

ников Ивана III, борьба между молодым Петром Алексеевичем его сестрой Софьей или «дворцовые перевороты» XVIII в.) и противостояние принимало символические формы. Одним из инструментов, позволявших если не полностью избежать насилия в борьбе претендентов, то свести его к минимуму, была политика «отмены» одного или нескольких претендентов. Политика «отмены» имеет две составляющие. Первая — это лишение претендента на власть возможности реализовать властные полномочия. Вторая — дискредитация претендента, его символическое «изъятие» из общества, лишение возможности получить поддержку от сколько-нибудь значимого слоя населения. Именно в этой части используется инструментарий «культуры отмены». В современных работах, посвященных «культуре отмены», наиболее часто воспроизводимым являются два тезиса. Первый: «культура отмены» (в том числе и в политике) всегда обращена из настоящего в прошлое, является инструментом трансформации памяти о прошлом, исходя из моральных императивов современности¹. Второй: инициаторами «культуры отмены» должны выступать «не какие-либо официальные институты, а исключительно общественные организации или отдельные лидеры общественного мнения»², а если государственные институты участвуют в этом, то «использование языка «культуры отмены» для характеристики государственной политики означает существенную деформацию как самой идеи отмены, так и механизмов ее реализации»³.

Авторы данной статьи исходят из того, что «культура отмены» обладает значительно большим потенциалом, чем воздействие на «историческую память» с целью ее трансформации. Канцелинг, применяемый в качестве инструмента политической борьбы, в случае успеха определяет содержание и формы исторической памяти будущих поколений, как это произошло с политическим и моральным обликом князя Святополка Владимировича, ставшим в глазах многих поколений Святополком Окаянным (одним из претендентов на великое княжение Киевское). «Культура отмены», таким образом, становится важным элементом «символической политики»,

¹ Аникин Д.А. От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 75–85.

² Аникин Д.А., Батищев Р.Ю. «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. № 1. С. 175.

³ Сыров В.Н. «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24. № 3. С. 17.

обращенной не в прошлое, а в настоящее и будущее, что позволяет «делегитимировать» кандидатов на власть, не получивших своевременной поддержки элитных групп и легитимизировать кандидата-победителя⁴.

В советской истории слабая институциональность процесса транзита власти определялась, прежде всего, тем, что государственные институты были сначала разрушены, а затем сформированы как неустойчивые — сначала исходя из идеологического постулата «диктатуры пролетариата», а затем — из понимания роли коммунистической партии, как определяющей силы движения к коммунизму. В самой же партии организационный принцип «демократического централизма» изначально содержал скрытый конфликт между «вождистским» характером партии и формально демократическими процедурами определения лидера. Этот конфликт неизменно выступал наружу при каждом транзите власти. В данной статье для анализа выбраны те акты транзита, в которых политика отмены одного или нескольких претендентов на власть применялась как инструмент в борьбе за пост лидера партии и страны, что давало возможность перевести борьбу за власть из сферы насилия в сферу символической политики. Для выявления места и роли «культуры отмены» в ходе транзита власти, авторы применяют метод кейсов, выбирая наиболее показательные из ситуаций транзита и используют сочетание институционального, семантического и семиотического анализа.

Кейс «Троцкий». Отмена «претендента»

Политическая культура партии большевиков — РКП(б) — начала 1920 г. включала две противостоящих друг другу традиции: а) теоретической модели коллективной власти и б) устоявшейся традиции лидерства В.И. Ленина, влияние которого определялось не постом, занимаемым в партии, а харизматической позицией «вождя». Но эта внутренне противоречивая конструкция относилась не только к теории. Несмотря на то, что X съезд РКП(б) принял резолюцию «О единстве партии», запрещающую фракционную деятельность, элементы фракционной деятельности сохранялись, и при определенных обстоятельствах лидеры отдельных фракционных направлений внутри партии могли повлиять на расстановку сил в руководстве партии и страны.

⁴ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 291.

В.И. Ленин являлся безусловным лидером партии и его авторитет был основным фактором, который определял и поддерживал баланс сил в высших органах партии большевиков. Внезапная болезнь В.И. Ленина в мае 1922 г. (инсульт) поставила на повестку дня вопрос о его политических наследниках и стала основной причиной возникших противоречий между членами Политбюро: с одной стороны, Е.Г. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и И.В. Сталиным, и Л.Д. Троцким и его сторонниками — с другой. Именно в этот исторический момент подготовки к транзиту лидерства выявились все слабости действующей конструкции власти.

Каждый из этих членов Политбюро ЦК мог претендовать на лидирующую позицию в партии — Зиновьев был главой Петроградского совета и председателем Исполкома Коминтерна, Каменев являлся председателем Московского совета и заместителем председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, И.В. Сталин в апреле 1922 г. был назначен генеральным секретарем ЦК РКП(б). Возглавляя партийный аппарат, он обладал рычагами влияния на карьеры партийных и советских работников.

Наибольшим лидерским потенциалом из членов Политбюро обладал Л.Д. Троцкий. Председатель Петроградского совета в октябре 1917 г., он создал Петроградский Военно-революционный комитет, являлся одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания и создателей Красной армии. Принимал активное участие в образовании Коминтерна, был членом его Исполнительного комитета. Троцкий обладал заметными интеллектуальными и агитационно-публицистическими способностями. Являясь с 1918 г. Народным комиссаром по военным и морским делам и Председателем Реввоенсовета Республики, он обладал большим влиянием и популярностью в Красной армии. Именно против Троцкого была направлена объединенная деятельность «тройки» Политбюро в составе Зиновьева, Каменева и Сталина.

В.И. Ленин, находясь на лечении в Горках, знал о складывающейся ситуации. Противостояние Троцкого и трех ведущих членов Политбюро — «тройки» обеспечивало некоторое политическое равновесие, и поэтому он был против их стремления организовать политическую изоляцию Троцкого.

Об этом он пишет в записке Л.Б. Каменеву (июль 1922 г.): «Выкидывать за борт Троцкого — ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то, как Вы можете это думать????»⁵.

⁵ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 2000. С. 544.

Представления самого Ленина о транзите власти развивались в направлении институализации лидерства. Он предложил Политбюро назначить двух дополнительных заместителей Председателя Совнаркома и СТО — Л.Д. Троцкого и Л.Б. Каменева. На заседании 14 сентября Каменев принял предложение и был назначен, а Троцкий, главный харизматик в Политбюро, отказался⁶.

В октябре — декабре 1922 г. Троцкий поддержал Ленина по вопросу о монополии внешней торговли, против которой выступала «тройка» и ряд членов ЦК. Их совместные действия в дальнейшем могли лишить «тройку» ведущей роли в высшем эшелоне власти, если бы не новый инсульт в конце декабря.

В течение 1923 г. политическое противоборство «тройки» и Троцкого приняло форму противостояния двух типов лидерства: институционального («тройка») и харизматического (Троцкий) Политбюро. При обсуждении вопроса о распределении обязанностей между членами Политбюро Сталин внес предложение о назначении Троцкого заместителем председателя Совнаркома, ответственного за деятельность ВСНХ. Троцкий обратился с заявлением в Политбюро, где отметил, что данное предложение размывает ответственность, а за деятельность ВСНХ должен отвечать его председатель⁷. Троцкий выступил против предлагаемого Зиновьевым принципа ведомственного разделения функций между членами Политбюро, что привело бы к постепенной трансформации политбюро в своеобразную надстройку над Совнаркомом⁸.

На Пленуме ЦК в марте 1923 г. было отвергнуто предложение Троцкого создать Совет партии. Было принято решение об увеличении числа членов ЦК. Троцкий заявил, что позиция его оппонентов продиктована задними мыслями и политическими ходами⁹.

Деятельность «тройки» по вытеснению Троцкого из власти состояла из трех последовательных «шагов». Она началась с замены харизматического лидерства на институциональное, а продолжилось еще по двум направлениям. Организационное направление предусматривало постепенное сужение административных ресурсов Троцкого, при сохранении его места в политбюро. Второе направление — лишение Троцкого влияния в партии, «отмена» его политической роли и значения.

⁶ Там же. С. 548–549.

⁷ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М. 1990. С. 11.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ См.: *Дмитренко С.Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976. С. 160–161.

ХII съезд РКП(б) выявил растущее влияние Каменева, Зиновьева и Сталина. Они были постоянно на виду у делегатов. Зиновьев выступил с Политическим отчетом ЦК, Сталин — с Организационным докладом и докладом по национальному вопросу, Каменев с докладом о налоговой политике в деревне. «Тройка» провела увеличение числа членов ЦК до 40 чел. Все новые члены были сторонниками Зиновьева, Каменева и Сталина. Из 386 делегатов с решающим голосом, принявших участие в выборах, все единогласно проголосовали за Ленина. Сталин получил на один голос меньше, Каменев с 372 голосами был двадцать четвертым, Зиновьев с 359 — тридцать вторым, а Троцкий лишь тридцать пятым (на XI съезде РКП(б) — он вместе с Лениным делил первое место). Если бы численность Центрального Комитета не была увеличена до 40, то Троцкий не прошел бы даже в состав ЦК. В новом составе ЦК из 40 членов сторонниками Троцкого были Раковский, Радек и Пятаков¹⁰.

На сентябрьском пленуме ЦК 23–25 сентября 1923 г. был поднят вопрос о расширении Реввоенсовета. Предлагалось пополнить Реввоенсовет группой воевавших членов ЦК (И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов и др.). Троцкий был против этого предложения и покинул пленум. Решение сентябрьского пленума Троцкий рассматривал как шаг к его отстранению от управления военным ведомством, что и отразил в письме в ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г., где также содержалась критика «неправильного и нездорового внутрипартийного режима»¹¹.

15 октября 1923 г. Президиум ЦКК принимает резолюцию, которая осуждает выступление Троцкого, квалифицировав его как «попытку организации фракции». В резолюции подчеркивалось, что «выступления, подобные выступлению тов. Троцкого, грозят сорвать это единство и могут стать гибельными для революции... Поэтому Президиум ЦКК считает необходимым во что бы то ни стало избежать широкой партийной дискуссии»¹².

Но дискуссия назревала. В середине октября в Политбюро поступает заявление, которое подписали 46 видных партийных деятелей, среди которых были сторонники Троцкого с критикой недостатков внутрипартийной жизни: «Под внешней формой официального единства... мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую

¹⁰ См.: Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля. 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 661.

¹¹ Там же. С. 155.

¹² Там же. С. 178–180.

иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни», — отмечалось в письме. Кроме того, подчеркивалась необходимость устранения «режима фракционной диктатуры в партии» и установления вместо него «внутрипартийной демократии»¹³.

19 октября 1923 г. в адрес ЦК и ЦКК был направлен «Ответ» восьми членов и кандидатов в члены Политбюро, автором которого скорее всего был Сталин, так как содержание практически совпадает с его выступлением на пленуме ЦК и ЦКК в октябре¹⁴. В нем подчеркивалось, что Троцкий, «нападая первый на ЦК партии, выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК». Обвинения Троцкого напрямую связывались с «Заявлением 46-ти» и следовал вывод о том, что «тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии»¹⁵.

25–27 октября 1923 г. состоялся экстренный объединенный пленум ЦК и ЦКК. Выступили Троцкий и Сталин. Троцкий заявил о существовании «тройки» в Политбюро и о том, что ЦКК стала орудием Секретариата ЦК во внутрипартийной борьбе. Сталин заявил, что «суть вопроса» в том, что Троцкий, «выступая через голы членов ЦК, создает обстановку фракционной борьбы»¹⁶.

Представляет интерес мнение Н.К. Крупской, которая была сторонницей «тройки», о полемике на Пленуме, изложенное в письме к Зиновьеву: «Во всем этом безобразии... приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это ... Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов»¹⁷.

Идеи демократизации внутрипартийной жизни находили отклик среди рядовых членов партии. Опасения потерять контроль над ситуацией вынуждают «тройку» инициировать общепартийную дискуссию, представив «руководящее ядро» партии в роли защитника внутрипартийной демократии. Дискуссия о внутрипартийной демократии продолжалась с ноября 1923 г. по январь 1924 г. В ходе дискуссии наблюдался рост оппозиционных настроений, что

¹³ Там же. С. 182–184.

¹⁴ Там же. С. 214.

¹⁵ Там же. С. 197, 212.

¹⁶ Там же. С. 252.

¹⁷ Там же. С. 272.

вынудило «тройку» пойти на компромисс. Внутри Политбюро была создана комиссия, для подготовки проекта резолюции о внутрипартийном положении и внутри ее подкомиссия для его окончательной редакции в составе Сталина, Каменева и Троцкого¹⁸.

Так как Троцкий в конце октября заболел и не принимал участие в собраниях партийных организаций, он принимает решение обратиться непосредственно к партийным организациям. Он направил для публикации в «Правде» статью «Новый курс». Суть «нового курса» состояла в следующем: «Центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии... Партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией»¹⁹.

Статья Троцкого была опубликована 11 декабря. Она способствовала обострению внутрипартийной борьбы и стала началом кампании персональной дискредитации Троцкого. 8 декабря 1923 г. еще до опубликования статьи «Новый курс» Зиновьев во время заседания Политбюро адресовал Сталину, Каменеву, Рыкову и Томскому записку, в которой призвал своих коллег срочно усилить борьбу с оппозицией²⁰.

13 декабря в «Правде» опубликована статья Бухарина «Наша партия и оппортунизм», в которой автор обвиняет Троцкого в том, что он «выдумывает аргументы против политической линии партии»²¹.

На следующий день восемь членов и кандидатов в члены Политбюро направили письмо членам и кандидатам в члены ЦК и ЦКК. В этом письме против Троцкого были выдвинуты следующие обвинения: «1) в натравливании одной части партии против другой, 2) в натравливании партийной молодежи против основного ядра партии и 3) в дискредитировании центрального руководящего ядра партии»²².

Итоги общепартийной дискуссии подвела XIII партконференция 16–18 января 1924 г. Она приняла резолюцию «Об итогах дис-

¹⁸ Письмо Л.Д. Троцкого в ЦК РКП(б) 9 декабря 1923 г. Примечание 1 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 170.

¹⁹ *Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М.: АИРО-XXI, 2022. С. 53–54.

²⁰ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 295–296.

²¹ *Апальков Д.И.* Указ. соч. С. 54.

²² РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. С. 310.

куссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», которая нанесла серьезный удар по политической репутации Троцкого. Его позиции были квалифицированы как «попытка ревизии большевизма», «прямой отход от ленинизма» и «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»²³.

Во время пленума ЦК 16–20 августа 1924 г. на тайном совещании был избран исполнительный орган — «семерка», который входили все члены Политбюро, кроме Троцкого (Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский) и председатель ЦКК Куйбышев. Таким образом, Троцкий был изолирован от процесса принятия решений в Политбюро, так как воспринимался «семеркой» в качестве главной угрозы внутреннему единству.

Опубликованная осенью 1924 г. статья Троцкого «Уроки Октября», где автор представил Зиновьева и Каменева лидерами правого крыла партии, занимавшими меньшевистскую позицию накануне Октябрьской революции, была подвергнута жесткой критике и квалифицировалась как сознательное извращение истории партии, фальсификация истории революции, ревизия ленинизма, попытка привести большевистскую партию к троцкизму, логически вытекающему из меньшевистского прошлого Троцкого.

Январский пленум 1925 г. ЦК и ЦКК квалифицировал «совокупность выступлений т. Троцкого против партии» как попытку подменить ленинизм троцкизмом», призвал «продолжить и развить работу партии по разъяснению антибольшевистского характера троцкизма». Пленум принял решение о снятии Троцкого с должности председателя Реввоенсовета СССР и оставлении его в составе Политбюро с предупреждением, что в случае «новой попытки... нарушения или неисполнения партийных решений» он будет исключен из Политбюро²⁴.

От обязанностей члена Политбюро Троцкий был освобожден 23 октября 1926 г. решением объединенного пленума ЦК и ЦКК²⁵.

Таким образом, мы можем утверждать, что в «отмене» Троцкого, как претендента на лидерство в партии и в руководстве СССР в 1923–1925 гг., было задействовано три «механизма», тесно связанные между собой, но задействованные не одновременно, а последовательно. Первый механизм состоял в том, чтобы отказаться от харизматического лидерства, в пользу институциональных ре-

²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. 9-е изд., доп. и испр. Т. 3. 1922–1925. М.: Политиздат, 1984. С. 156.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 323, 324, 330.

²⁵ Там же. Т. 4 С. 67–68.

шений: «административного характера властных полномочий» и провозглашения принципа «коллективного руководства». Вторым механизмом стало последовательное «размывание» административных полномочий Троцкого в ЦК и в Реввоенсовете, что лишало его ресурсов в борьбе за лидерство. Третьим механизмом стала «отмена» его образа одного из выдающихся лидеров революции и теоретика строительства коммунистического общества, с подменой его образом фракционера, раскалывающего единство партии во имя личных амбиций.

Кейс «Маленков». Отмена «преемника»

На XIX съезде партии в октябре 1952 года — последнем при жизни Сталина — с главным политическим докладом, вопреки сложившейся традиции, выступил не высший руководитель партии и правительства, а заместитель Председателя Совета министров СССР — Георгий Маленков. Хотя 15 августа 1952 г. Пленум ЦК партии принял решение поручить именно Маленкову выступить с отчетным докладом, решение о том, что основным докладчиком будет заместитель Председателя СМ, принял лично Сталин, причем еще в декабре 1951 г. Это был не просто «сигнал» всей партии и всему советскому народу, свидетельствовавший, что во властной иерархии Маленков — второй, это было указание на то, что данное место определил ему своей волей лично вождь СССР.

Символичность этого сталинского «жеста» по отношению к Маленкову была невероятно велика. Можно ли считать, что факт делегирования последнему права выступить с основным отчетом перед участниками съезда означал утверждение заместителя председателя Совета министров в статусе официального преемника вождя? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо разобраться, что собой представлял институт преемничества высшей власти в ленинско-сталинском СССР.

Преемничество определяется не процедурным порядком реализации (наследование «по крови», наследование «по идеологии», выборность и т.д.), а тем, является ли кто-то, помимо самого носителя высшей власти, субъектом назначения следующего руководителя. В российской властной традиции определение высшим руководителем преемника является отсылкой «к персонифицированному характеру воспроизводства власти, указывает на то, что прежний лидер персонально «передает» власть последующему»²⁶. Одной из важных характеристик передачи власти в соответствии с

²⁶ Гуляева А.Г. Институт преемника в современной России: Региональный аспект // Вестник Пермского ун-та. Серия Политология. 2011. Вып. 4. С. 44.

моделью «преемничества» является достижение хотя бы базового уровня согласия внутри правящей элитной группы по поводу личности условного «наследника» (преемника). В обществах, в которых выборность и политическая конкуренция не играют заметной роли в процессе передачи власти, это позволяет избежать раскола элит и вытекающей из него острой политической борьбы. Проблема легитимности также важна при осуществлении преемничества: ожесточенная внутрипартийная борьба двадцатых годов велась вокруг того, кто является более верным политическому и идеологическому наследию Ленина, кто достоин считаться его «первым учеником» и наиболее правильным (легитимным) интерпретатором ленинизма. Но, как справедливо отмечает Дж. Боффа, ограниченность оппонентов Сталина заключалась еще и в том, что они были неспособны представить альтернативную сталинской концепцию организации власти, которая отличалась такой же цельностью²⁷. Простого и при этом фиктивного требования сохранения внутрипартийной демократии было недостаточно для легитимации потенциальных преемников Ленина; аппаратная «ценность» руководителя в сочетании со статусом «твердого ленинца» являлись более весомыми факторами в определении права на власть. В последующий период советской истории легитимность иерархии приближенных и выдвиженцев вождя строилась на личной воле Сталина, на том, какое место было указано данному человеку в аппаратных структурах режима. Кроме того, триумф Великой Победы 1945 г. явился одним из ключевых источников легитимации системы власти после войны, отразилось это и на институте преемничества. Поскольку вождь являлся символом победы, то его личная прижизненная воля, подкрепленная обеспечивающим влияние потенциальному преемнику местом в аппаратной иерархии, являлись гарантией неоспоримости прав претендента на высшую должность, но когда-нибудь потом, в очень отдаленном будущем.

В системе власти послевоенного СССР происходили невидимые глазу, но чрезвычайно важные процессы. С одной стороны, были восстановлены и получили дальнейшее развитие сформированные еще в 1930-е гг. неформальные механизмы поддержания баланса сил в советском руководстве²⁸. С другой, Сталин после-

²⁷ См.: *Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941* / Пер. с итал. М., Международные отношения, 1994. С. 267.

²⁸ См.: *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 60–61.

довательно вел дело к большому разделению компетенций между Советом Министров и Политбюро — в ведение правительства передавались все вопросы экономического управления, а стратегические вопросы политического характера оставались прерогативой Политбюро²⁹. По мнению О. Хлевнюка и Й. Горлицкого, «правительственный аппарат, работавший в определенном отдалении от непосредственного контроля Сталина, постепенно превращался в институциональное поле для наработки опыта «коллективного руководства», реализованного в полной мере после смерти вождя»³⁰. Сталин же сосредоточил свое внимание на усилении стратегической роли Политбюро, даже вернувшись в декабре 1945 г. к порядку созыва еженедельных заседаний последнего по вторникам³¹. Впрочем, Бюро Совета Министров (с 30 июля 1949 г. — Президиум Совета Министров) оставалось институциональной структурой, гораздо более организованной и четко действовавшей с управленческой точки зрения, нежели Политбюро.

Почему же тогда еще при жизни Сталина и элитам, и обществу был послан сигнал о том, что именно Маленков — заместитель Сталина по советскому правительству — условно второй в иерархии? При этом в Бюро, выделенном из состава расширенного до 36 человек (25 членов и 11 кандидатов) Президиума ЦК, не нашлось места Молотову, который в стране, да и в мире, воспринимался, в силу опыта руководящей работы на самых высоких постах, естественным преемником вождя. По всей вероятности, неформальным политическим итогом XIX съезда явилась «отмена наследника». Сталин, маневрируя и создавая новый баланс сил, стремился к тому, чтобы никто не подобрался близко к его доминантному статусу. В опалу попал и Микоян — еще один давний и опытный член прежнего Политбюро. Маленков же, наряду с другими ключевыми сталинскими выдвиженцами, символизировал полное окончание политической эпохи «революционных вождей» и торжество эпохи сталинской партийно-хозяйственной бюрократии.

Необходимо отметить, что еще после смерти Жданова в 1948 г., Маленков фактически занял позицию заместителя Сталина по партии, руководя работой Секретариата и Оргбюро ЦК. По стечению

²⁹ См.: Там же.

³⁰ Там же. С. 60.

³¹ Этот порядок продержался очень недолго, вскоре заседания Политбюро практически перестали созываться. Как и в довоенное время, на смену Политбюро пришла неформальная группа руководителей во главе со Сталиным, в той или иной конфигурации — «шестерка», «семерка» и др.

политических обстоятельств, Маленков совмещал ключевые посты в партийном и правительственном аппаратах, что являлось чрезвычайно важным и даже уникальным фактором, предопределявшим его возвышение. По всей вероятности, в силу своего положения, Маленков был одним из тех людей, кто имел наиболее полную, по меркам той политической системы, информацию о реальном положении дел в стране. После XIX съезда, однако, Маленков был освобожден от должности заместителя председателя СМ с целью сосредоточения всех сил на руководящей партийной работе. Это не было понижением его статуса или лишением перспектив преемничества: в конце жизни Сталин вновь занялся форсированным наращиванием мощи партийного аппарата. Маленков, Хрущев и Булганин стали составлять своего рода «тройку», организовывавшую деятельность партийных структур. Они, плюс Берия, составляли круг руководителей, единственно имевших постоянный доступ к общению со Сталиным в последний период.

Надо иметь в виду, что в политическом контексте поздней сталинской диктатуры разговоры о формальном преемничестве носят умозрительный характер: вождь никому власть передавать не собирался. По мнению известного исследователя А. Грациози, Маленков «был наследником Сталина лишь условно»³². Хотя здоровье Сталина слабело и силы убывали, отстранение влиятельной «старой гвардии» свидетельствовало о стремлении вождя удерживать свою абсолютную власть бесконечно долго. Однако история не дала ему этого времени — 5 марта 1953 г. Сталин умер.

Установившаяся после смерти вождя система «коллективного руководства» оказалась, на удивление, довольно жизнеспособной, поскольку в организационном смысле она была опробована еще в последние годы жизни Сталина, который неусыпно лично контролировал лишь некоторые сферы (например, органы госбезопасности), а рутинную управленческую работу делегировал партийным и правительственным аппаратным структурам во главе с ближайшими соратниками. Можно сказать, что власть была унаследована коллективным преемником, но внутри этого показного единства происходили сложные динамические процессы, разворачивалась борьба за доминирующее положение.

Вечером 5 марта на «Совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР» Маленков был единогласно назначен Председателем

³² Грациози А. История СССР. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 251.

Совета Министров, а Берия — руководителем объединяемых в одно ведомство — МВД — министерств внутренних дел и госбезопасности (и одним из первых заместителей Председателя СМ). Хрущев, не получивший государственных должностей, остался секретарем ЦК и членом его Президиума. Однако он получил право председательствовать на заседаниях Секретариата и фактически руководить его работой. Таким образом, Хрущев приобрел решающее влияние на деятельность организационного сердца советской системы — партийного аппарата.

Еще накануне сложился тандем Берия — Маленков. После 5 марта одним из оснований их возможного сотрудничества, по видимому, могло стать желание подвергнуть критике культ личности Сталина, причем именно Маленков выступил инициатором начала процесса десталинизации³³. При этом и Берия, и Маленков являлись соперниками в борьбе за власть, и это явилось одним из решающих факторов, предопределивших дальнейшее развитие событий³⁴. Как нам сейчас известно, оба представителя нового «коллективного руководства» сделали неверные политические ходы, приведшие к их падению.

Берия проявил необычный (и роковой для себя) уровень активности и инициативы во многих областях: от ликвидации ГУЛАГа и широкой амнистии до стремления к ревизии международных отношений (попытка отказаться от курса форсированного строительства социализма в Восточной Германии и нормализовать отношения с Югославией) и до действий по консолидации МВД и установлению эффективного единоличного контроля над этой структурой. Страх партийно-государственной и военной верхушки перед возможностью неконтролируемого усиления Берии привел к его аресту и расстрелу.

13 марта 1953 г. Президиум ЦК, созданный по инициативе Маленкова, удовлетворил просьбу последнего об освобождении его от должности секретаря ЦК, «имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета министров СССР и секретаря ЦК КПСС»³⁵. По мнению А.К. Сорокина, отказ от ключевой позиции в партийном аппарате являлся крупнейшим политическим просчетом Маленкова, он потерял свою многолетнюю возможность

³³ См.: Сорокин А.К. «Практический работник» Георгий Маленков. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2021. С. 520–524.

³⁴ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Издание второе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 98.

³⁵ Сорокин А.К. Указ. соч. С. 524.

управлять кадровыми перестановками в государстве и в партии³⁶. Этот просчет вряд ли можно интерпретировать как проявление политической наивности: для этого Маленков был слишком опытным аппаратчиком, прошедшим трудную, почти смертельную школу политического выживания при Сталине. Скорее всего, речь шла о попытке сформировать по сталинской традиции правящую «тройку» внутри коллективного руководства с участием Маленкова, Хрущева и Берии, и на базе закулисных договоренностей разделить ключевые полномочия по управлению страной внутри этой доминирующей «тройки». Уходя от формального руководства партийным аппаратом, Маленков, один из последовательных многолетних строителей всепроникающего могущества этого аппарата, вероятно, переоценил степень своего неформального влияния на высшие слои номенклатуры³⁷. Это представляется важным моментом: в символической системе предельно бюрократического советского режима той поры, лишившейся своего стержня — доминантного лидера, официальная аппаратная позиция являлась более важным властным и символическим ресурсом, чем некие прежние заслуги перед партией.

Одной из версий того, почему Маленков отказался от руководящего поста в партии, является его неготовность стать единственным преемником Сталина³⁸. Эта версия имеет право на жизнь, однако вряд ли в ее основе может лежать обвинение Маленкова в отсутствии личного мужества. Скорее всего, он уверовал в преимущества коллегиального руководства, по крайней мере, на переходный период, до тех пор, пока власть стабилизируется, а страна и правящая номенклатура привыкнут к жизни без единоличного всевластного диктатора. По авторитетному мнению Дж. Боффа, «коллегиальный характер нового правления был не результатом лишь «верхушечного» соглашения между преемниками Сталина, а своего рода программным обязательством перед страной»³⁹.

Так или иначе, но ставка на лидерский «триумвират» внутри коллегиальной системы не сработала, каждый из его потенциалъ-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 527–528.

³⁸ См.: *Баландин Р.К.* Маленков. Третий вожь Страны Советов. М.: Вече, 2007. С. 145.

³⁹ *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: Пер. с итал. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1994. С. 412.

ных участников был готов к участию в борьбе за единоличную власть, рассматривая любой союз и любую договоренность как временные. Угроза со стороны Берии виделась другим как вполне экзистенциальная. По видимости, самого Маленкова подтолкнул к решительным действиям факт того, что Берия запросил в Центральном архивном управлении МВД личное дело Маленкова. Интерес Берии к биографии Маленкова являлся для последнего чрезвычайно тревожным звонком: на него затребован компромат⁴⁰. Два члена несостоявшегося триумвирата — Хрущев и Маленков — приступили к активным действиям, приведшим к свержению Берии. Но после падения всемогущего главы карательной системы борьба за власть не прекратилась, на очереди было столкновение между Хрущевым и Маленковым.

Разрушение теперь уже тандема «преемников» Хрущев — Маленков началось уже в 1953 г., причем по вопросу, казалось бы, далекому от построения послесталинской системы организации власти — по вопросу реформы в сельском хозяйстве. Это пространство противоречий было вскоре дополнено расхождениями по ряду других важных проблем, стоявших на повестке дня.

В речи на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа Москвы Маленков выступил с идеями, коренным образом противоречившими сталинскому наследию во внешней политике. В частности, он утверждал, что новая мировая война «есть путь к катастрофе мировой цивилизации». Потом Маленкову это поставят в вину, обвинив в «историческом пессимизме». Противоречия между лидерами — Хрущевым и Маленковым — по вопросам реорганизации сельского хозяйства, по внешней политике, по распределению финансирования по отраслям, по борьбе с бюрократизмом в партийных и советских органах и т.д. не носили антагонистического характера, они лишь отражали позиции, которые могли быть использованы для обвинения оппонента в борьбе за власть. Интересно, что в упомянутой ранее речи перед московскими избирателями, Маленков, поняв готовность Хрущева отбросить модель коллегиального руководства и идти к единоличной власти, настаивал на преимуществах коллективности в управлении страной. Таким образом, в условиях сгущавшихся над его головой туч, почувствовав недостаточность своего ресурса в борьбе за единоличную власть, Маленков выступал сторонником деперсонифицированного преемничества, при котором на длительный переходный

⁴⁰ См.: *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 98; *Сорокин А.К.* Указ. соч. С. 538.

период власть была бы относительно равномерно распределена среди олигархического круга высших советских руководителей.

В январе 1955 г. на Пленуме ЦК Маленков был обвинен в отсутствии знаний и опыта, необходимых для главы советского правительства. Хрущев, выступая с обвинениями, припомнил Маленкову все: и неверные внешнеполитические воззрения, и пренебрежение нуждами тяжелой промышленности, и даже возложил на него ответственность за «ленинградское дело», т.е. бросил тяжкое обвинение в причастности к репрессиям. Тема причастности к репрессиям, таким образом, стала орудием борьбы за власть и одним из средств «отмены преемника». Это был поразительный факт, говоривший об огромных политических изменениях, произошедших после смерти Сталина, который условно обозначил именно Маленкова в качестве второго по рангу, после себя, вождя. Идеологически и символически институт преемничества в СССР начинает трансформироваться: в этом аспекте властных отношений отход от сталинского наследия происходит еще до XX съезда.

Прошедшая после Пленума сессия Верховного Совета СССР освободила Маленкова от должности Председателя Совета Министров. На эту должность был назначен Н.А. Булганин. Так закончилась история еще одного несостоявшегося преемничества в России. Передача власти при этом произошла мирно, спуск Маленкова с властного Олимпа происходил довольно плавно. В феврале 1955 г. он был избран в Верховные Советы ряда советских республик (включая Украину), кроме того, он был назначен на должность министра электростанций и заместителя Председателя Совета Министров СССР. В плавности этого спуска заключалось еще одно разительное отличие с недавними временами.

Кейс «Янаев». Отмена «управляемого преемничества»

Одной из самых значимых политических проблем эпохи «перестройки» стала трансформация власти, создание новых властных институтов, формирование которых было прервано распадом государственности. И хотя вся эта эпоха «уложились» в период менее семи лет, накопленный опыт продолжает активно изучаться несколько десятилетий спустя и в нашей стране, и за рубежом. Применительно к теме статьи особый интерес представляют процессы установления и «отмены» института формального наследника политического лидера страны.

Традиционное положение политического лидера советского государства как лидера правящей коммунистической партии

прочно стало частью политической культуры страны. Руководитель партии зачастую совмещал свой пост с одним из высших постов государственной системы Советского Союза — председателя правительства или руководителя представительного органа власти. В марте 1985 г. М.С. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС, но не занял пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, как три его предшественника, передав этот высший государственный пост поддержавшему его на выборах лидера партии А.А. Громыко. Правда, после отставки Громыко в 1988 г. М.С. Горбачев прибавил руководство Президиума Верховного Совета к своим обязанностям, продолжив сложившуюся традицию.

Изменения в конституции СССР 1 декабря 1988 г. провозгласили образование нового высшего органа государственной власти в Советском Союзе — Съезда народных депутатов СССР. Постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом власти провозглашался Верховный Совет СССР, избираемый съездом. Высшим должностным лицом советского государства, согласно принятым изменениям конституции, становился Председатель Верховного Совета СССР. Его первый заместитель и заместители по уполномочию председателя выполняли отдельные его функции и замещали «в случае его отсутствия или невозможности осуществления им своих обязанностей»⁴¹. На состоявшемся в мае-июне 1989 г. I Съезде народных депутатов СССР председателем Верховного Совета был избран М.С. Горбачев и его первым заместителем А.И. Лукьянов. И хотя согласно действовавшей в тот период конституции первый заместитель являлся лишь одним из возможных наследников Председателя Верховного Совета страны, именно А.И. Лукьянов заменил М.С. Горбачева на этом посту.

Изменения конституции СССР, принятые на III Съезде народных депутатов в марте 1990 г., привели к введению в Советском Союзе поста президента, который являлся главой советского государства. В принятом документе предусматривался и порядок исполнения полномочий президента, если он «по тем или иным причинам не может далее исполнять свои обязанности». До избрания нового президента его полномочия переходят к председателю Верховного Совета СССР, при невозможности этого — к

⁴¹ Закон Союза Советских Социалистических Республик об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР // Внеочередная (двенадцатая) сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). 29 ноября — 1 декабря 1988 года. Стенографический отчет. М.: Издательство «Известия», 1988. С. 201.

главе правительства страны⁴². Президентом СССР на съезде был избран М.С. Горбачев, председателем Верховного Совета СССР — А.И. Лукьянов, который сохранял свое положение «наследника» лидера страны.

III съезд народных депутатов СССР внес изменение и в 6-ю статью конституции, изменившую положение КПСС в системе политического устройства страны. Из преамбулы конституции было исключено положение о том, что «возросла руководящая роль Коммунистической партии — авангарда всего народа», а 6-я статья конституции переформулирована в свете многопартийности: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами»⁴³. Тем самым было конституционно закреплено снижение роли коммунистической партии, а следовательно, и влияние партийных органов на определение развития страны, положение ее лидера и его возможного наследника.

Состоявшийся летом 1990 г. XXVIII съезд КПСС утвердил новый устав партии, в котором существенные изменения коснулись руководящих партийных органов. Генеральный секретарь ЦК КПСС сохранил свое лидирующее положение (подтвердив его процедурой избрания на самом съезде партии), но появился не существовавший ранее пост заместителя генерального секретаря ЦК. И хотя в самом уставе КПСС функции человека, занявшего эту новую должность, не были раскрыты⁴⁴, при принятии решения об изменении устава М.С. Горбачев разъяснил: «Предлагается также избрать, и тоже на съезде, заместителя Генерального секретаря ЦК, наделенного полномочиями второго лица в партии и осуществляющего руководство работой Секретариата ЦК»⁴⁵. В соответствии с этими решениями на XXVIII съезде КПСС

⁴² Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 года. Стенографический отчет. Т. III. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1990. С. 199.

⁴³ Там же. С. 193.

⁴⁴ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1990. С. 119–120.

⁴⁵ Двадцать восьмой съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. С. 133.

генеральным секретарем партии был избран М.С. Горбачев, а его заместителем — В.А. Ивашко, занимавший в то время пост Председателя Верховного совета Украинской ССР. Эти решения съезда фактически обозначили официального «наследника» М.С. Горбачева по «партийной линии».

О новом «наследнике» М.С. Горбачева, в той части его полномочий, которые относились к государственному управлению, речь пошла в декабре 1990 г. на IV Съезде народных депутатов СССР. Съезд принял очередной закон СССР о внесении изменений в конституцию страны, который, в частности, предусматривал введение поста вице-президента. На этот пост гражданин должен был избираться одновременно с Президентом СССР. Он должен был по поручению президента страны выполнять некоторые его полномочия и замещать президента «в случае его отсутствия и невозможности осуществления им своих обязанностей». Вице-президент вклинивался в прежний порядок замещающих президента лиц, если «по тем или иным причинам» президент не может исполнять свои обязанности, лишь за ним в очередности стоял Председатель Верховного Совета СССР⁴⁶. На IV Съезде народных депутатов СССР на должность вице-президента М.С. Горбачев выдвинул кандидатуру Г.И. Янаева, который до 1990 г. возглавлял ВЦСПС, а на XXVIII съезде КПСС вошел в состав ЦК партии и был избран членом политбюро и секретариата ЦК. На IV съезде многие народные депутаты были удивлены выбором М.С. Горбачева и даже «прокатили» кандидатуру Г.И. Янаева при первом голосовании, но М.С. Горбачев настаивал и добился утверждения этой кандидатуры съездом.

Таким образом, по инициативе М.С. Горбачева были предприняты меры по институализации процесса транзита власти. В результате произошла диверсификация сфер возможного транзита: «преемничество» в КПСС было отделено от «преемничества» в государстве. При этом оба преемничества обладали общими чертами одной модели. К их числу можно отнести:

- отсутствие у потенциального преемника собственной процедурной легитимности (избрание «в связке» с Горбачевым);
- набор личных качеств каждого из выбранных Горбачевым «преемников» соответствовал позиции «ведомого» или «второго номера» в иерархии, не претендующего на лидерство;

⁴⁶ Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» // Четвертый съезд народных депутатов СССР. 17–27 декабря 1990 года. Стенографический отчет. Т. 3. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1991. С. 316.

- административные позиции, занимаемые каждым из «преемников» до их прихода вторые посты в партии и государстве, были второстепенными и не давали возможности создания собственной «группы поддержки» в партийной и административной элите страны.

Выбор данной модели «преемничества» во многом определялся опытом трехлетнего противоборства с харизматическим лидером — Б.Н. Ельциным. С большой долей вероятности можно предположить, что данная модель создавалась как декоративная, не рассчитанная на реальный транзит власти. Ее главная роль состояла в том, чтобы затруднить возможность транзита для потенциально «сильного» конкурента действующего президента СССР.

События 1991 г. опрокинули всю тщательно выстраиваемую М.С. Горбачевым систему возможных «наследников», которые должны были быть лично преданными президенту и руководителю партии, поскольку заняли свои политические позиции не в силу личных заслуг и лидерских способностей, а благодаря благосклонности первого лица. Но в 1991 г. М.С. Горбачев уже не мог удержать страну. Нарастающие кризисные тенденции во всех областях жизни советского государства делали власть неэффективной. Намеченная президентом страны последняя линия обороны — создание обновленного союза республик, договоренности о котором пытались достичь в ходе Ново-Огаревского процесса, многим политикам из окружения М.С. Горбачева казалась «капитуляцией». Перспективы дальнейшего развития новой конструкции союзного государства не вызывали воодушевления. Настроение части союзной интеллектуальной и политической элиты выразило подписанное известными деятелями культуры «Слово к народу», полностью приведенное Г.И. Янаевым в своих воспоминаниях о событиях 1991 г.: «Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие»⁴⁷. Это обращение стало идейным обоснованием антигорбачевского выступления ГКЧП в августе 1991 г.

Поражение ГКЧП резко изменило расклад политических сил в Советском Союзе. 24 августа 1991 г. М.С. Горбачев выступил с заявлением о сложении полномочий генерального секретаря ЦК КПСС и предложил ЦК КПСС самораспуститься. Последовавшая

⁴⁷ Янаев Г.И. ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. М.: Родина, 2021. С. 90.

приостановка деятельности компартии означала ликвидацию партийного «наследства» М.С. Горбачева.

Собравшийся в начале сентября 1991 г. Внеочередной V съезд народных депутатов СССР решил судьбу государственного «наследства» первого президента СССР. Вице-президент Г.И. Янаев и председатель Верховного Совета А.И. Лукьянов были отправлены в отставку. Принятым на съезде законом СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» должность вице-президента СССР упразднялась. На случай невозможности М.С. Горбачевым исполнять свои обязанности предусматривался следующий порядок: государственный совет, состоявший из высших должностных лиц союзных республик, избирает из числа своих членов председателя, к которому и переходят обязанности президента⁴⁸. Распад СССР в декабре 1991 г., явившийся к тому времени закономерным результатом развернувшихся в стране кризисных процессов, лишь завершил ликвидацию государственного «наследства» М.С. Горбачева.

«Отмена государства» повлекла за собой крушение той модели транзита, которую выстроил М.С. Горбачев. Оба «преемника» потеряли свои полномочия: В.А. Ивашко — вследствие приостановления деятельности органов и организаций Коммунистической партии РСФСР; Янаев был отстранен от должности Постановлением V Съезда народных депутатов СССР от 4 сентября 1991 г., содержание которого исчерпывается одной фразой: «Освободить Янаева Геннадия Ивановича от обязанностей Вице-президента СССР»⁴⁹.

Несмотря на то, что в одном случае решение по «отмене» было институциональным, а в другом — персональным, все решения, вследствие которых обе «отмены» были проведены, имели одно общее свойство — личности и персональные позиции «отменяемых» в структуре власти не имели существенного значения. Происходили структурные изменения, в рамках которых производилась обезличенная «отмена» должностных полномочий.

Таким образом, мы можем утверждать, что каждый период транзита в СССР обнаруживал институциональную слабость

⁴⁸ Лукашевич Д.А. Внеочередной Пятый съезд народных депутатов СССР (2–5 сентября 1991 г.). Стенографический отчет. М.: Алгоритм, 2018. С. 301.

⁴⁹ Постановление Съезда народных депутатов СССР от 4 сентября 1991 г. N 2390-I «Об освобождении Г.И. Янаева от обязанностей Вице-президента СССР» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6334586/> (дата обращения 05.07.2025).

в этой сфере, что неизменно вело к перерастанию политической борьбы в личное противостояние между «преемниками» уходящего лидера. В каждом из двух первых случаев транзита эта борьба превращалась в «игру с нулевой суммой» и завершалась обретением всей полноты власти одним из «преемников» и полной потерей политических позиций всеми остальными — их символической «отменой». Механизмы и инструментарий «отмены» в значительной части зависели от личных качеств участников этой борьбы, но общим было сохранение институциональной слабости транзита. В последнем из рассмотренных случаев М.С. Горбачев предпринял шаги, следствием которых должно было стать исключение ситуации транзита власти от него к «преемнику», но не сумел противостоять тому процессу, в котором он сам, вместе с его декоративными преемниками, был «отменен» преемником самопровозглашенным — Б.Н. Ельциным, что не только не отменило идеи «преемничества» для транзита, но даже усилило ее привлекательность.

Литература

Аникин Д.А., Батищев Р.Ю. «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 1. С. 172–187.

Аникин Д. От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 80. С. 75–85.

Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М.: АИРО-XXI. 2022.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. Ред., сост. Ю.Г. Фельштинский. Т. 1. М.: «Тerra», 1990.

Баландин Р.К. Маленков. Третий вожь Страны Советов. М.: Вече, 2007. 336 с.

Бобфа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941. М., Международные отношения, 1994. 632 с.

Бобфа Дж. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: М.: Международные отношения, 1994. 632 с.

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 2000.

Внеочередная (двенадцатая) сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). 29 ноября — 1 декабря 1988 года. Стенографический отчет. М.: Издательство «Известия», 1988.

Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 года. Стенографический отчет. Т. III. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1990.

Грациози А. История СССР. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 632 с.

Гуляева А.Г. Институт преемника в современной России: Региональный аспект // Вестник Пермского ун-та. Серия Политология. 2011. Вып. 4. С. 42–59.

Двадцать восьмой съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1991.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.

Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) Т. 2. 1917–1922; Т. 3. 1922–1925. Т. 4; 1926–1929. М.: Политиздат, 1883–1984.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1966–1981. Т. 54.

Лукашевич Д.А. Внеочередной Пятый съезд народных депутатов СССР (2–5 сентября 1991 г.). Стенографический отчет. М.: Алгоритм, 2018.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.

Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1990.

Письмо Л.Д. Троцкого в ЦК РКП(б) 9 декабря 1923 г. Примечание 1 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 169–170.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Издание второе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.

Постановление Съезда народных депутатов СССР от 4 сентября 1991 г. N 2390-I «Об освобождении Г.И. Янаева от обязанностей Вице-президента СССР» <https://base.garant.ru/6334586/>

РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004.

Сорокин А.К. «Практический работник» Георгий Маленков. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2021. 735 с.

Сыров В.Н. «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24. Вып. 3. С. 7–22.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.

Четвертый съезд народных депутатов СССР. 17–27 декабря 1990 года. Стенографический отчет. Т. 3. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1991.

Янаев Г.И. ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. М.: Родина, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кощидько Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: Koshkidko@spa.msu.ru

Лившин Александр Яковлевич — доктор исторических наук, профессор факультета управления совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: Livshin@spa.msu.ru

Сидоров Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: Sidorov@spa.msu.ru

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: KSoloviov@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Koshkidko Vladimir Grigorievich — DSc, Professor of the Department of Regional and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: Koshkidko@spa.msu.ru

Livshin Alexander Yakovlevich — DSc, Professor of the Faculty of Management Joint University of Moscow State University and Shenzhen Institute of Pedagogical Sciences Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: Livshin@spa.msu.ru

Sidorov Alexander Valentinovich — DSc, Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: Sidorov@spa.msu.ru

Solovyov Konstantin Anatolyevich — DSc, Professor of the Department of History of State and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: KSoloviov@spa.msu.ru